МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
ул. Кирова, 26|б. Телеф. 96-69
Вырезка из газеты Вечерняя Москва
Москва от 16 ФЕВ 37
Газета №

17

М. М. БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА
Народная артистка Союза ССР

Мой путь

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Родилась я в 1859 году в Петербурге. Училась там же в Мариинской гимназии. И чуть ли не с самых ранних дней почувствовала я страсть к театру.

Впервые попала я в тетар лет девяти. В давние годы моего детства специальных детских театров не существовало. Спектакли для детей давались только утром, по праздникам. И вот взяли меня в Мариинский театр на оперу «Мазепа». Ярко помню то огромное впечатление, которое оставило у меня это первое посещение театра. Затем нас с братом отец возил на утренники в Александринский театр. В те годы там играла замечательная артистка **А. В. Дюжикова** (она еще жива и находится сейчас в Ленинграде, в доме для престарелых артистов). Дюжикова так пленила мое детское воображение, что я даже в играх стала изображать ее. Куклы пошли по-боку — играли мы только в театр.

У меня была большая страсть к подражательству: схватить, передать чью-нибудь комическую черточку, представить кого-нибудь в лицах было для меня делом одной минуты. И как я радовалась, когда на гимназических вечерах я выступала, рассказывая сценки И. Ф. Горбунова из народного быта.

Театр как нечто великолепное и недосягаемое занимает и волнует мое детское воображение. Как я завидовала знаменитым актерам Александринки — **М. Г. Савиной, К. А. Варламову, Ф. П. Гореву, М. М. Петипа, И. И. Монахову, Н. Ф. Сазонову, Киселевскому,** на чудесной игре которых воспитывался мой вкус и росла любовь к театру.

...Гимназия окончена. Спустя некоторое время я выдержала экзамен на звание домашней учительницы. Давая уроки, сама училась в школе рисования (тоже моя страсть!). И вот в это самое время я познакомилась с артистом Александринского театра **А. Э. Блюменталь-Тамариным,** за которого вскоре и вышла замуж.

Через некоторое время моего мужа перевели в Москву, в Малый театр. В Москве мне пришлось пережить тяжелую личную драму. Муж мой уехал в Киев, оставив меня с двумя детьми, неопытную, без всякой опоры в жизни. Я очень нуждалась. Переписка межевых книг, которой я занялась, давала очень мало.

Служивший тогда тоже в Москве артист **А. А. Алексеев** (из Александринки) предложил мне позаняться и итти на сцену.

Алексеев преподавал в пушкинском любительском кружке. Туда он устроил и меня. В качестве любителей в кружке участвовали **К. С. Алексеев** (Станиславский), **А. Р. Артем, А. А. Федотов** и др.

Потом играла я в разных любительских спектаклях у **Р. Р. Вейхеля** (там играл покойный **Н. П. Рощин-Инсаров,** отец народной артистки **В. Н. Пашенной**) и уже начала получать по 5 рублей, потому что любительницы старух играть не хотели. В конце-концов попала я к знаменитому магу и чародею театральных эффектов **М. В. Лентовскому** и играла роль хозяйки-немки в водевиле М. В. Корнеева «Комната со всеми удобствами». Нервничала страшно. Не было у меня платья. Бегала я по всем московским знакомым старухам и выпрашивала — у кого чепчик, у кого кофту, ленточку. На спектакле мне аплодировали, даже вызывали. Слышу свою фамилию и ушам не верю. Потом подошла к Лентовскому и спрашиваю:

— Ну, как я играла? Ничего?

— Не то что ничего, — отвечает Лентовский, — а прямо хорошо. Я вас зачисляю в труппу на жалование в 60 рублей в месяц.

Итак — я настоящая актриса. Служу в театре, играю роли. Между прочим режиссером у Лентовского был А. А. Яблочкин (отец народной артистки А. А. Яблочкиной).

Прослужила я у Лентовского в театре «Скоморох» два сезона. Через некоторое время я стала служить у Н. Н. Синельникова в Одессе и Ростове-на-Дону, где мне впервые пришлось встретиться с выдающейся актрисой П. А. Стрепетовой. Я должна была играть с ней в «Грозе» роль Кабанихи. Тогда была традиция, по которой Кабаниху должна играть крупная женщина, ибо считали, что это является признаком властности. Кабаниха, как говорили, должна была быть «крупной с тела». Я была страшно смущена: как это с моими данными я буду изображать этого тирана и семьи и целого города? И вот от великолепного мастера П. А. Стрепетовой я получила прекрасное наставление, давшее мне ключ к созданию образа Кабанихи.

— Разве вы никогда не видели, — говорила П. А., — как в купеческом доме невестку тиранила подчас не крупная и солидная женщина, а маленькая коварная злыдня, которая точила ее днем и ночью, как ржа железо?

Пять лет, проведенные мною в труппе Синельникова, встречи с П. А. Стрепетовой и Г. Н. Федотовой принесли мне много пользы.

Вместе с Н. Н. Синельниковым я перешла в Москву, в театр Корша. Это было в 1901 году. У Корша, собственно, и протекло больше половины моей артистической жизни. Работать приходилось много, ибо почти каждую пятницу у Корша шла новая пьеса.

Впервые радость славы я почувствовала в пьесе никому неизвестного автора С. И. Найденова **«Дети Ванюшина».** В этом спектакле, кроме крупнейших коршевских артистов, участвовали и недавно приглашенные **Л. М. Леонидов и А. А. Остужев.** Актеры сделали то, что после премьеры автор проснулся знаменитым. В этой пьесе я играла роль старухи Ванюшиной. Прошла у Корша эта пьеса более пятисот раз. У Корша же я переиграла очень много ролей, в том числе почти весь репертуар Островского, которого я очень чту как замечательного драматурга.

Свыше 30 лет прослужила я в театре Корша. За это время участвовала во многих артистических поездках: с М. Г. Савиной, К. А. Варламовым, ансамблем коршевских артистов и др.

Обыкновенно это бывало в так называемый великий пост и летом. Характерный штрих эпохи — в то время спектакли великим постом не разрешались. Актеры должны были итти в длительный отпуск, не получая никакой компенсации. Работать могли только шансонетки. И вот тогда сложились такие куплеты:

«Вот настал великий пост —
Всем актерам — голодать,
Шансонеткам — благодать...».

Сейчас мне кажется, что все это было каким-то страшным сном. Когда я прохожу по бывшему Охотному ряду и вместо грязных, зловонных одноэтажных домишек вижу купающуюся в небе многоэтажную громаду — гостиницу «Москва», когда я вижу сверкающее огромными стеклами здание Совнаркома СССР, когда я смотрю на дом архитектора Желтовского с перспективой манежа, на широчайшую, радостную асфальтированную площадь я говорю себе: «Как я безгранично рада и счастлива, что дожила до этих замечательных дней».

Но я забежала вперед. И если вспомнила сейчас об этом, то только для того, чтобы показать, какая в сущности историческая пропасть лежит между теми днями, которые приходится к заре моей артистической жизни, и нашими радостными днями, новой жизнью, которая начинается у меня с 1917 года.

Много я пережила, многое я видела — три войны, три революции. И просто и искренне я приняла Великую пролетарскую революцию.

Когда грянула у нас революция, в актерской братии произошло волнение, разнобой. Некоторые бежали даже за границу, боясь за свое маленькое мещанское благополучие. Но лучшая часть актерства осталась и вместе с рабочим классом начала свое дело.

Вспоминаю, как в первые годы революции приходилось выступать в различных концертах и спектаклях. На фабрики, на заводы, в красноармейские части возили нас на мебельных полках. Мы радостно взбирались на эти полки и, когда видели красноармейские шинели, пытливые лица, которые ждали ответа на свои запросы, нас это как-то особенно поднимало. Едешь в холоде, в темноте. Сколько раз вываливалась я зимой из розвальней, — но было радостно, весело.

За выступления мы получали пайки. Первый такой паек я получила в автороте. Красноармеец тов. Озеров (хорошо я его запомнила), выдавая паек, сказал мне:

— Вот что, бабушка, хорошо ты сыграла «Женитьбу», но сваха из тебя плохая.

Я спрашиваю:

— Почему же плохая?

А он говорит:

— А как же это у тебя жених в окошко выскочил? Ну, да ничего...

Был еще и такой случай: однажды в театре Коммуны я играла Феклушу в «Грозе». В театре было страшно холодно. В уборной нетоплено. Комендант принес нам дрова, затопил печку, и стало очень жарко. Дров осталось много, а дома у нас топить было нечем. Актеры и говорят: «Эти дрова все равно остаются, и мы их можем взять домой». Комендант дал на это согласие. Потом актеры начали делить между собой поленья. Я попросила и мне оставить что-нибудь. Актеры говорят: «Вот осталась доска, берите, Мария Михайловна». И почему-то эта доска была с дыркой посредине. Подвязали мне веревкой доску на спину, и пошла я с ней домой.

...Помню незабываемое. Однажды нас пригласили на концерт в Кремль. Когда мы туда вошли, в зале присутствовали красноармейцы латышского полка, перед которыми в тот день выступал **В. И. Ленин.** Были там также тт. Смидович и Малиновский. С ними я уже была знакома.

Тов. Малиновский говорит нам: «Хотите послушать товарища Ленина?». Естественно, мы с радостью согласились, и он проводил нас в зал, где выступал товарищ Ленин. Как мы слушали его замечательную речь, в которой он делился воспоминаниями о Первом мая!

Тов. Ленин сошел с эстрады. Он собирался уходить. Но Н. Г. Полторецкая, руководившая концертом, подошла к нему и говорит:

— Не хотите ли послушать концерт, Владимир Ильич?

Товарищ Ленин ответил, что он немножко устал, но, когда увидел наши лица, горящие глаза, жаждущие видеть его во время наших выступлений, он согласился. Владимир Ильич прослушал весь концерт, тепло попрощался со всеми нами и уехал.

Шли годы. После ликвидации театра Корша я получила приглашение в Малый театр. Здесь меня встретили очень радушно, и я почувствовала, что нахожусь в своей семье. Первая роль моя в Малом театре — нянька в «Недоросле». Затем я играла в пьесах: «Диплом» (мать), «Ревизор» (Пошлепкину), «Женитьба Белугина», «Бойцы», «Бедность не порок», «В чужом пиру похмелье» и, наконец, роль матери в замечательной пьесе поэта В. Гусева **«Слава».** Много волнений пережила я, работая над этой ролью. Она очень меня захватила. Как глубоко я почувствовала эту замечательную советскую мать! И с огромной радостью играю я ее. В ней я буду выступать и в своем юбилейном спектакле.

Как радостно, как хорошо сейчас жить! Можно ли было когда-нибудь мечтать о таком отношении правительства к актерам, каково оно в нашей замечательной стране. Никогда!

В 1933 году я участвовала в правительственном концерте. После концерта нас пригласили ужинать в Кремль. Там были все руководители партии и правительства. Наш любимый вождь **Иосиф Виссарионович Сталин** подошел к актерам. Когда нас ему представили, он сказал, что всех нас хорошо знает. Мы обступили его со всех сторон и долго беседовали.

В прошлом году, когда мы чествовали украинских артистов, мне пришлось выступить с приветственной речью от имени всех московских актеров. Когда я уходила, Иосиф Виссарионович тепло попрощался со мной и пожелал мне еще долго жить.

Я ответила, что жить сейчас мне очень хочется.

Я бы хотела, чтобы у меня не ослабели силы до конца дней моих, чтобы я могла быть полезной для нашего социалистического искусства.

Я забываю о своих годах, когда вижу расцвет моей дорогой страны. По мере сил и возможностей я принимаю участие в общественной жизни страны. Для меня является большим праздником выступать в детской аудитории, бывать у детей на вечерах и спектаклях, помогать им своими советами, когда они приходят ко мне. Принимаю я участие и в работе секции культуры Моссовета. Но этого мало. Хочется еще больше работать и творить в нашей замечательной стране.

В этом месяце исполняется **50-летний юбилей сценической деятельности народной артистки Союза ССР М. М. Блюменталь-Тамариной.** На фото: Мария Михайловна готовится к пушкинскому вечеру.